

Э. 255.
5-6590.

Многоуважаемому
Видному и просвѣдному
Всѣмъ намъ
и др.

МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
ТОЛСТОПЯТОВЪ.

Е. Д. КИСЛАКОВСКІЙ.

МОСКВА.

1891

1952

МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

ТОЛСТОПЯТОВЪ.

Е. Д. КИСЛАКОВСКИЙ.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульварь.

1891.

1957 г.

Изъ Рѣчи и Отчета Императорскаго Московскаго Университета 1891.

Михаиль Александровичъ Толстопятовъ.

(Некрологъ).

Въ истекшемъ году Императорскій московскій университетъ понесъ утрату въ лицѣ умершаго заслуженнаго ординарнаго профессора и доктора минералогій, Михаила Александровича Толстопятова. Потеря громадная, утрата незамѣнимая. Потеря на столько поразившая всѣхъ насъ, что ни на его могилѣ, ни въ нашемъ обществѣ мы не въ силахъ были представить себѣ эту утрату. Но вотъ прошло уже болѣе полугода и мы должны были свыкнуться съ мыслью о томъ, что его уже нѣтъ среди насъ и теперь мы только можемъ вѣрнѣе сознать то, чего мы лишились. Да не одного только профессора минералогіи мы потеряли, но мы потеряли человѣка, которому дороги были интересы университета и науки, горячаго защитника правды и человѣка всегда отзывчиваго ко всему идеально хорошему. Покойный Михаилъ Александровичъ родился въ 1836 году, въ Василѣ-Сурскѣ, нижегородской губерніи. До 13 лѣтняго возраста онъ жилъ въ г. Костромѣ и учился въ тамошней гимназій. Но его живой и подвижной характеръ никакъ не могъ мириться съ требованіями школьной дисциплины. Убѣгая изъ дома, ни кѣмъ не замѣченный, онъ проводилъ цѣлыя дни на берегу Волги, тогда еще широкой и привольной, наблюдая за проходившими барками и созерцая природу; скитался по рыбацкимъ селеніямъ, предаваясь поэтическимъ мечтамъ и наблю-

двѣмъ, и часто возвращался только поздно вечеромъ домой—полный различныхъ впечатлѣній и вопросовъ, уже и тогда начинавшихъ волновать его молодое воображеніе. Такое дѣтство развило въ немъ поэтической элементъ, оставшійся присущимъ ему до могилы. Рано лишившись матери, онъ на 14 году былъ перевезенъ въ Москву своимъ старшимъ братомъ, извѣстнымъ теперь педагогомъ, и помѣщенъ въ 3-ю гимназію, гдѣ, находясь подъ его благотворнымъ наблюденіемъ, тотчасъ занялъ мѣсто въ ряду первыхъ ея учениковъ. Занимаясь съ увлеченіемъ сначала древними языками, затѣмъ математикой, онъ тогда уже проявлялъ недюженныя способности. Выдержавъ успѣшно экзаменъ изъ 6-го въ 7-ой классъ, онъ, не переходя въ послѣдній, поступилъ прямо въ университетъ на математической факультетъ, гдѣ и окончилъ курсъ по естественному отдѣленію въ 1859 году со степенью кандидата съ золотою медалью. Будучи казеннымъ стипендіатомъ, Михаилъ Александровичъ чуть не попалъ учителемъ въ Смоленскъ, но тогдашній профессоръ минералогіи и геологіи, Григорій Ефимовичъ Щуровскій, любившій его и видѣвшій въ немъ достойнаго замѣстителя своей кафедры, хлопоталъ предъ факультетомъ и совѣтомъ университета объ оставленіи его при университетѣ. Оставленный при университетѣ для приготовленія себя къ профессорскому званію, Михаилъ Александровичъ занялъ мѣсто преподавателя естественной исторіи въ московской практической академіи коммерческихъ наукъ. Его 4-хъ лѣтняя преподавательская дѣятельность оставила глубокіе слѣды въ питомцахъ академіи.

Бывшіе его ученики и по сіе время не могутъ безъ восторга вспоминать тѣ уроки, когда молодой ихъ учитель старался сдѣлать понятнымъ своимъ юнымъ слушателямъ основы кристаллографіи. Живое изложеніе предмета и преданность дѣлу достигли того, что ученики его, не смотря на относительно малое знакомство съ геометрией вообще и ограниченность времени, которое можно было удѣлить минералогіи въ практической академіи, легко могли разбирать относительно трудныя комбинаціи кристалловъ.

Конечно, какъ у всякаго молодаго ученаго, сердечные помыслы Михаила Александровича въ это время были направлены въ чужіе края; тамъ, въ центрѣ просвѣщенія, въ разсадникѣ науки ему хотѣлось пополнить, довершить свое научное образованіе, изучить музеи западной Европы, познакомиться съ послѣдними выводами науки и послушать знаменитыхъ профессоровъ. Григорій Ефимовичъ Щуровскій, занимавшій тогда одинъ кафедрѣ минералогіи и геологіи, чувствовалъ себя утомленнымъ одновременнымъ чтеніемъ двухъ различныхъ предметовъ, тѣмъ болѣе что минералогія быстро разрасталась и въ берлинскомъ университетѣ она была уже поручена двумъ или тремъ профессорамъ. Ему пріятно было имѣть молодаго помощника, способности котораго онъ оцѣнилъ и всегда отличалъ.

Григорій Ефимовичъ уговорилъ покойнаго Михаила Александровича приступить скорѣе къ чтенію лекцій и для поѣздки за границу подождать болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Кто помнитъ то глубокое уваженіе, съ которымъ въ тѣ времена молодые люди относились къ своимъ наставникамъ—профессорамъ, кто знаетъ ту любовь, которой пользовался Григорій Ефимовичъ Щуровскій и кто приметъ при этомъ въ расчетъ уступчивый, мягкій характеръ покойнаго, не ставившаго никогда свои личные интересы на первый планъ, тотъ легко пойметъ, что совѣтъ Григорія Ефимовича былъ для него, если не приказаніемъ, то по крайней мѣрѣ отеческимъ желаніемъ, которое онъ не могъ не исполнить. Въ 1861 году покойный Михаилъ Александровичъ былъ назначенъ адъюнктомъ, началъ свои университетскія лекціи и съ этихъ поръ уже проявились симпатіи къ нему его слушателей, симпатіи, которыя росли изъ года въ годъ, по мѣрѣ того, какъ возрастала его духовная личность, научныя силы и лекторскій талантъ. Заграничной поѣздкой ему удалось воспользоваться только въ 1864 и то на 5 лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Въ такое короткое время, трудно было что-нибудь сдѣлать, но онъ не унывалъ. Поселившись въ Берлинѣ, онъ сталъ зани-

маться усердно геологіей и палеонтологіей подъ руководствомъ проф. Вейриха, такъ какъ тогда онъ не думалъ посвятить себя всецѣло минералогіи и рассчитывалъ впоследствии перейти на кафедру геологіи. Берлинскій минералогическій кабинетъ былъ въ то время открытъ для посѣтителей только два раза въ недѣлю. Густавъ Розе уже болѣе не читалъ *privatissime*, чтеніе же *öffentliches*, какъ онъ самъ говорилъ, гораздо сокращеннѣе того, что обыкновенно читается слушателямъ московскаго университета. Проведя три мѣсяца въ Берлинѣ, Михаилъ Александровичъ переѣхалъ въ Парижъ, гдѣ его поразили богатыя сокровища тамошнихъ музеевъ. Онъ и въ Парижѣ продолжалъ заниматься преимущественно геологіей и палеонтологіей, дѣлалъ геологическія экскурсіи и основательно познакомился съ третичнымъ парижскимъ бассейномъ.

Къ сожалѣнію наступившія вакансіи помѣшали продолженію его занятій и онъ уѣхалъ изъ Парижа въ Москву съ горячимъ желаніемъ еще разъ вернуться туда для занятій. Желанію этому не суждено однако было осуществиться. Ему удалось побывать за границей еще только разъ, въ 1873 году, на болѣе короткое время и со спеціальною цѣлью леченія, такъ какъ онъ уже тогда страдалъ хроническимъ бронхитомъ, усиливавшимся съ каждымъ годомъ. Возвратившись изъ за границы, онъ приступилъ снова къ чтенію лекцій и, втягиваясь все болѣе и болѣе въ изученіе минералогіи, рѣшилъ окончательно посвятить себя этой наукѣ. Существовавшее несогласіе между ученіемъ первѣйшаго авторитета кристаллографіи Гаюи съ явленіями диморфизма, открытаго Митчерлихомъ, вызвало въ 30-хъ годахъ цѣлый рядъ работъ, приведшихъ къ ученію объ аллотропіи и полиморфизму; попутно съ этимъ шли и работы Генриха Розе, имѣвшія цѣлью выяснить причины этихъ явленій. Избравши своимъ объектомъ углекислую известь, для которой извѣстны три несомѣстимые ряда формъ, Генрихъ Розе назвалъ арагонитъ, известковый шпатъ и мѣлъ гетероморфнымъ ея состояніемъ. Причины

же гетероморфизма онъ формулировалъ такъ: изъ горячихъ концентрированныхъ и холодныхъ разжиженныхъ растворовъ кристаллизуется арагонитъ, во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ углекислая известь принимаетъ форму известкового шпата и мѣла.

Несогласіе этихъ выводовъ съ фактами, замѣченными Михаиломъ Александровичемъ, заставили его болѣе детально заняться изученіемъ гетероморфизма углекислой извести, которое и привело его къ совершенно иному выводу.

Его работы по этому вопросу послужившія темою для его магистерской диссертации, защищенной въ 1867 году, «О причинахъ гетероморфизма углекислой извести», доказали, что температура и концентрація растворовъ не имѣютъ прямого вліянія на характеръ гетероморфнаго состоянія, а высокая температура при концентрированныхъ растворахъ не только не благоприятствуетъ образованію арагонита, но является неблагоприятнымъ условіемъ для кристаллизаціи углекислой извести вообще. По его заключенію, углекислая известь выдѣляется изъ двууглекислыхъ растворовъ всегда въ видѣ мѣла, который на поверхности раствора переходитъ въ арагонитъ, въ массѣ же раствора—въ известковый шпатъ, который подъ вліяніемъ влажности и угольной кислоты тоже переходитъ путемъ молекулярныхъ перемѣщеній снова въ арагонитъ. Щелочность среды обуславливаетъ переходъ арагонита и известкового шпата обратно въ мѣлъ.

Эта легкость перехода углекислой извести изъ одного гетероморфнаго состоянія въ другое заставила Михаила Александровича признать, что, въ первые моменты кристаллизаціи углекислой извести, молекулярное равновѣсіе ея недѣлимыхъ неустойчиво и формы ихъ непостоянны, что и послужило для него поводомъ къ дальнѣйшему изученію кристаллообразовательнаго процесса или кристаллогенезиса. Распознать происхожденіе и развитіе кристалла и установить тѣ эмпирическіе законы, которымъ неуклонно повинуются неорганическія особи при

всемъ ихъ разнообразіи и измѣнчивости формъ—вотъ тѣ задачи, которымъ посвятилъ себя покойный Михаилъ Александровичъ и которыя частью блестяще выполнены въ его трудѣ, послужившемъ темою для докторской диссертациі: «Общая задача ученія о кристаллогенезисѣ».

Сопоставивъ факты, ранѣе добытые въ минералогіи, онъ приходитъ къ положенію, что внѣшняя форма есть результатъ внутренняго строенія, которое въ свою очередь обуславливается распредѣленіемъ энергіи кристаллогенетическихъ силъ въ массѣ кристалла и характеромъ его молекулярнаго равновѣсія; главная же причина лежитъ въ химической конституціи минеральной особи.

Для показанія соотношенія между строеніемъ кристалла, его наружной формой и распредѣленіемъ пропagaціонныхъ направленій кристаллообразовательной дѣятельности, съ условіями молекулярнаго равновѣсія и химическаго состава минерала, онъ воспользовался аналитическимъ методомъ, такъ какъ молекулы, образующія кристаллъ, неуловимы, а слѣдовательно и синтетическій методъ изслѣдованія въ данномъ случаѣ не приложимъ. Онъ бралъ цѣлый кристаллъ, какъ онъ есть, и изучалъ всѣ его видоизмѣненія, преимущественно обращая вниманіе на тѣ стадіи его развитія, которыя предшествуютъ его полному обособленію. Въ этихъ промежуточныхъ стадіяхъ онъ искалъ рельефно выраженные частности строенія и зависимость ихъ отъ общаго плана ихъ органическаго цѣлага. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда недоростанія кристалла не удовлетворяли цѣли его изслѣдованій, онъ искусственно ставилъ вещество въ условія неблагопріятныя для кристаллизаціи и такимъ образомъ насильно вызывалъ промежуточные стадіи обособленія. Идя шагъ за шагомъ, онъ постепенно раскрывалъ осложненія кристалловъ, начиная съ крупныхъ, болѣе выдающихся ихъ частей, достигая наконецъ первичныхъ элементовъ архитектуры кристалловъ и связи съ проявленіемъ творческой силы, ихъ группирующей.

Опровергнувъ положеніе Гаюи относительно увеличенія массы кристалла *per juxta-positionem* массой фактовъ, раскрывающихъ въ высшей степени сложное, иногда запутанное строеніе кристалловъ, по наружности простыхъ, Михаилъ Александровичъ показалъ, что эти сложныя образованія представляютъ собою двойниковыя срощенія, замаскированныя однородной наружностью кристалла или же въ нѣкоторыхъ случаяхъ являются результатомъ метаморфическаго измѣненія, составляющаго ихъ вещества. Каждый подобный кристаллъ онъ разсматриваетъ какъ систему нѣсколькихъ кристалловъ, какъ бы вставленныхъ другъ въ друга, причемъ масса внутренняго кристалла образуетъ ядро, масса внѣшнихъ — оболочки. Указавъ насколько наружность недоразвившихся кристалловъ способствуетъ къ разъясненію ихъ внутренней архитектуры и насколько группировка ихъ микроскопически малыхъ частицъ можетъ считаться за группировку ихъ молекулъ, онъ проводитъ тѣсную связь между морфологическими и физическими свойствами минераловъ. Разбирая самобытность кристаллообразовательной силы и направленіе наибольшей ея энергіи въ кристаллахъ Михаилъ Александровичъ приходилъ къ заключенію, что кристаллы при тождествѣ геометрическаго очертанія могутъ быть различно построены, а слѣдовательно и значеніе изоморфизма можетъ быть устранено изъ установленія понятія о минеральномъ видѣ, этой важной таксономической единицы въ естественной минералогической классификаціи. Для многихъ молекулярныхъ перемѣщеній, совершающихся въ кристаллическихъ и окристаллизованныхъ минералахъ онъ далъ точное объясненіе разсматривая молекулярный подборъ, совершающійся въ кристаллѣ какъ результатъ дѣйствія complicаціи прирожденныхъ ему силъ, внѣшнихъ импульсовъ и различнаго рода молекулярнаго равновѣсія въ зависимости отъ степени симметріи кристалла. Вотъ содержаніе труда, представленнаго въ 1869 г. покойнымъ Михаиломъ Александровичемъ, для полученія степени доктора минералогіи.

Официальные оппоненты, Г. Е. Щуровский и Н. Е. Лясковский, отнеслись съ величайшей похвалой къ его работѣ. Проф. Щуровский, послѣ нѣсколькихъ возраженій въ частностяхъ, сказалъ, что онъ изъ этой диссертации видитъ, какъ далеко двинулась минералогія съ тѣхъ поръ, какъ онъ изучалъ ее и находя въ дефендентѣ такого горячаго защитника своихъ идей и взглядовъ, отказывается отъ дальнѣйшихъ возраженій. Окончивъ и сдавъ всѣ обязательныя работы, Михаилъ Александровичъ замкнулся въ своемъ кабинетѣ, изучая науку на самихъ минералахъ. «Ни одна книга не сообщитъ свѣдѣній столь полныхъ, ясныхъ и непреложныхъ, какъ сами минералы, человекъ, умѣющему понять ихъ и разобраться въ нихъ», говорилъ онъ.

Когда, бывало, не прійдешь, всегда можно было застать его за микроскопомъ, гоніометромъ или шлифовальнымъ станкомъ. Настойчивое и серьёзное изученіе минералогіи возбудило въ немъ рядъ вопросовъ, на изслѣдованіе которыхъ онъ посвятилъ остальную часть своей жизни.

Горячая натура, богато одаренный умъ искали разрѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ заразъ, но жизни оставалось мало и она прекратилась не давъ возможности докончить предпринятое.

Михаилъ Александровичъ былъ врагъ безыдейныхъ работъ въ минералогіи; онъ требовалъ отъ всякой работы творчества, подводившаго добытые наблюденіемъ факты въ стройныя идеи, законы и теоріи.

Онъ былъ потомъ науки. Онъ старался внести въ массу безсвязныхъ фактовъ и единичныхъ наблюденій надъ природою минераловъ объединяющую идею.

Довѣрчивый къ другимъ, но недоовѣрчивый къ себѣ, этотъ человекъ, обладая громадною эрудиціей часто боялся проявлять свое творчество, дабы не впасть въ ошибку. Онъ не гнался за легкой наживой и слава мишурныхъ открытій его не ма-

нила. Глубоко преданный своей наукѣ, онъ работалъ изъ безконечной любви къ природѣ, къ знанію и къ великимъ законамъ Божества.

Излюбленнымъ для Михаила Александровича отдѣломъ минералогіи былъ кристаллогенезисъ. Какъ послѣдователь Фольгера, онъ не считалъ минераль за мертвое тѣло и не противопоставлялъ его живому организму, а кристаллообразовательный процессъ былъ для него жизненнымъ процессомъ третьяго царства природы. Не увлекаясь тождествомъ жизненной силы и кристаллообразовательной дѣятельности,—предложеннымъ Эренбергомъ,—онъ допускалъ аналогію между ними въ смыслѣ внутренней самодѣятельности, направленной къ образованію, обособленію и сохраненію цѣлости недѣлимаго, а такъ же и къ поддержанію вида. Всѣ его труды были направлены къ знакомству съ ходомъ развитія окристаллизованной минеральной особи и разъясненію кажущихся аномалій въ кристаллахъ. Завѣтной же его мечтой было дожить до того времени, когда по отношенію осей упругости ээира и характеру дисперсіи биссектрисъ или же только оптическихъ осей, минералогъ будетъ въ силахъ вычислить всѣ свойства минерала, хотя бы минераль и не былъ ему извѣстенъ. Но этому не суждено было осуществиться. Всѣ его многолѣтнія наблюденія надъ явленіями поляризаціи, хохолками интерференціи въ минералахъ и богатый матеріаль, дающій новое представленіе о конституціи кристалловъ, остались не описанными и ушли вмѣстѣ съ нимъ въ вѣчность.

Много вредила покойному Михаилу Александровичу его не любовь къ письменному изложенію чего бы то ни было. Онъ считалъ механический трудъ писанія непріятной уздой, стѣсняющей свободный потокъ мыслей и слова. На убѣжденія близкихъ его, побуждавшихъ его поторопиться печатаніемъ, онъ смѣясь говорилъ, что главное все уже сдѣлано и осталось только самое непріятное—послѣдовательно письменно изложить все найденное, сдѣлать рисунки, а тамъ печатай изслѣдованіе

за изслѣдованіемъ. Но это непріятное онъ все откладывалъ, продолжая изслѣдованія далѣе. Отчасти ему жаль было, какъ онъ самъ говорилъ, закончить трудъ и разстаться съ своимъ любимымъ дѣтищемъ, занимавшимъ его столько лѣтъ и доставившимъ ему и муки сомнѣній и радости оправданныхъ надеждъ и предположеній.

Какъ профессоръ, онъ всѣмъ намъ хорошо извѣстенъ и отношеніе къ нему его слушателей выражалось всегда не только полною аудиторіею, но и проявилось горячимъ участіемъ молодежи при его похоронахъ. Сердечныя надписи на возложенныхъ его слушателями на гробъ вѣнкахъ показали, какъ высоко они цѣнили и любили его. Но посмотримъ какъ онъ самъ относился къ своимъ профессорскимъ обязанностямъ. Еще въ первые годы своей профессорской дѣятельности, онъ такъ писалъ лицу близкому къ нему, выражая свой взглядъ по отношенію къ наукѣ и слушателямъ: «не мертвое буквоедство займетъ меня, а живое изученіе цѣлесообразности и гармоніи природы. Я дамъ полный просторъ наблюдательности, строго отнесусь къ каждому факту, аналитически обдумаю каждый законъ и, проводя трудныя положенія своей науки, я внесу новый элементъ въ свое преподаваніе. Принадлежа всецѣло наукѣ, я для своихъ лекцій не пощажу ни времени, ни здоровья. Я положу въ нихъ всю свою душу и юные слушатели съ сочувствіемъ отнесутся къ нимъ. Они инстинктивно поймутъ, что не самолюбіе вдохновляетъ меня, а страстная любовь къ наукѣ и желаніе подѣлиться драгоценными свѣдѣніями, которыя при самостоятельныхъ занятіяхъ даются только опытною и настойчивымъ трудомъ». И дѣйствительно покойный Михаилъ Александровичъ съ честью выполнилъ свои профессорскія обязанности. Онъ не ограничивался простой передачей фактовъ, онъ умѣлъ возбудить въ слушателяхъ интересъ и любовь къ своей наукѣ. Не разъ случилось слышать обращенный къ нему вопросъ: «что вы дѣлаете, чтобы увлекать слушателей такимъ сухимъ предметомъ»? Но

предметъ его науки не былъ сухъ для него. Онъ видѣлъ жизнь во всѣхъ этихъ, повидимому, мертвыхъ тѣлахъ, усматривалъ новые законы, служащіе къ организаціи кристалловъ и сближеніе ихъ съ другими организмами, увлекался этимъ самъ и увлекалъ слушателей. Лекціи его всегда отличались живостью, ясностью и полнотою изложенія.

Студенты любили его не только какъ учителя, но и какъ воспитателя, относившагося къ нимъ всегда съ любовью, прямо, честно и искренно, предостерегавшаго ихъ отъ разныхъ увлеченій.

За время своей ученой и профессорской дѣятельности, онъ прочелъ нѣсколько публичныхъ лекцій объ аэролитахъ, алмазъ и двѣ рѣчи на торжественныхъ собраніяхъ: «Объ организаціи минераловъ» (12 января 1875 г.) и «Иллюзіи, скептицизмъ и чаинія естествоиспытателя» (3 октября, 1888 г.), вызвавшихъ шумныя оваціи аудиторіи.

Минералогическій кабинетъ со всѣми его коллекціями онъ берегъ какъ собственное сокровище и постоянно заботился о пополненіи его, насколько позволяли средства университета. Въ послѣдніе годы по его инициативѣ была устроена при кабинетѣ химическая лабораторія для собственныхъ его занятій и занятій студентовъ. По своему устройству и по имѣющимся приспособленіямъ она можетъ удовлетворить самыя капризные требованія минералога.

Но не суждено ему было поработать въ ней.

Покойный Михаилъ Александровичъ состоялъ дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго московскаго Общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи, членомъ основателемъ Общества акклиматизаціи и вице-президентомъ Императорскаго московскаго Общества испытателей природы.

Призванный въ 1885 году къ исполненію обязанностей декана физико-математическаго факультета Михаилъ Александровичъ и на этомъ поприщѣ оставилъ по себѣ добрую память.

Но двухлѣтнія тяжелыя обязанности декана были не подъ силу уже надломленному организму и только ускорили развитіе болѣзни сердца, сведшей его въ могилу 11 апрѣля, 1890 года.

Будучи специалистомъ по минералогіи, покойный Михаилъ Александровичъ былъ въ тоже время разносторонне высокообразованный человѣкъ. Онъ былъ хорошій знатокъ исторіи и литературы. Онъ восторгался Шекспиромъ, Шиллеромъ и Гёте, любилъ нашихъ классиковъ, въ особенности Гоголя и Пушкина, котораго зналъ почти наизусть, увлекался Тургеневымъ. Лѣтомъ, когда наступали темные вечера, онъ зачитывался историческими сочиненіями, были ли это полновѣсныя монографіи или романы Вальтеръ-Скота, которые увлекали его своимъ наивнымъ рассказомъ и дѣвственной чистотой композиціи. Онъ не упускалъ изъ виду и новѣйшей литературы, но ея реальное направленіе и современные идеалы мало доставляли ему удовольствованія. Обладая прекрасной памятью, онъ глубоко усваивалъ разъ прочитанное и оно дѣлалось ему знакомымъ навсегда. Вотъ почему въ разговорѣ у него всегда слышалась глубокая начитанность и широкое гуманное образованіе. Стоило назвать извѣстное имя, слегка затронуть какой-либо соціальный, политическій или литературный вопросъ, чтобы горячимъ потокомъ полилась его живая, полная мысли рѣчь.

Касался ли онъ религіи или философіи древнихъ, онъ во всемъ проявлялъ многосторонній умъ, богатое знакомство съ фактами и горячее ко всему отзывчивое сердце.

Какъ человѣкъ—это была натура прямая, честная, откровенная и въ высшей степени сердечная. Въ его душѣ было много духовнаго тепла. Онъ вездѣ искренно выражалъ свое чувство, не гналъ ни передъ собою, ни передъ другими, всегда говорилъ по внутреннему убѣжденію и по внутренней правдѣ. Чувство искренности онъ высоко цѣнилъ и въ другихъ.

Сущность его характера составляли смѣсь юмористической, безконечной веселости съ глубокой вдумчивостью и грустью.

Независимость характера, быстрый, вѣрный взглядъ и глубокое пониманіе людей и событій дѣлало его дорогимъ не только въ кругу друзей, но и для всѣхъ знавшихъ его.

Е. Кислаковский.

Б-6590

— 50 —